

М.К. Чуркин*

M.K. Churkin*

**Вопросы колонизации Сибири
в мемуарно-автобиографическом
дискурсе чиновников
Переселенческого управления**

**The Issues of Colonization of Siberia
in the Memoir-Autobiographical
Discourse of Officials of the
Resettlement Department**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-5

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-5

УДК 930

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Чуркин М.К. Вопросы колонизации Сибири в мемуарно-автобиографическом дискурсе чиновников Переселенческого управления // Исторический курьер. 2020. № 4 (12). С. 57–66. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-05.pdf>

Churkin M.K. The Issues of Colonization of Siberia in the Memoir-Autobiographical Discourse of Officials of the Resettlement Department // Historical Courier, 2020, No. 4 (12), pp. 57–66. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-05.pdf>

Abstract. The article is based on memoirs and autobiographical discourse of the officials of the Resettlement Department of the interior, defines the views of the local community of the Russian bureaucracy on the main objectives, contents and prospects of the colonization of the "Eastern suburbs". In the course of studying the reconstructed system of moral values, ethics and attitudes of government officials in the second half of 19th – early 20th centuries established that the basic foundations of ethics of the Resettlement Department's officials were formed under the decisive influence of traditional practices and models of aristocratic family education. The system of value orientations of post-reform Russian bureaucracy transformed the officials' sense of service, their understanding of duty and responsibility towards the people which under the conditions of modernization led to formation of locally-professional identity of Imperial officials being an important prerequisite for making effective decisions in the sphere of colonization. Based on personal testimonies the paper identifies the main functions of Imperial officials and experts, the situation and the factors that influenced career choices and a strategy of professional conduct. It is proved that at the turn of 19th–20th centuries in Russia a new type of Imperial officials formed while the "resettlement activities" were represented as the communicative space of discourse of colonization, in which projects of Siberia's incorporation into the Empire were discussed and implemented. These projects took into account national, cultural and religious concerns of all categories of population in peripheral regions: immigrants, veterans, indigenous peoples.

Keywords: memoir-autobiographical discourse; officials of the Resettlement Department; ethos; resettlement; colonization; local professional identity; Siberia.

The article has been received by the editor on 25.10.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье, с опорой на мемуарно-автобиографический дискурс чиновников Переселенческого управления МВД, выявляются представления локального сообщества российской бюрократии об основных задачах, содержании и перспективах колонизации «восточных окраин» империи. В процессе исследования реконструирована система нравственных ценностей, этических и мировоззренческих позиций имперских чиновников России во второй половине XIX – начале XX в. Установлено, что базовые основы этоса

* **Чуркин Михаил Константинович**, доктор исторических наук, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия; Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук, Тобольск, Россия, e-mail: proffchurkin@yandex.ru

Churkin Mikhail K., Doctor of Historical Sciences, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia; Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russia, e-mail: proffchurkin@yandex.ru

чиновников переселенческого департамента складывались при определяющем воздействии традиционных моделей и практик дворянского семейного воспитания. В системе ценностных ориентаций чиновничества пореформенной России произошли изменения в понимании службы, долга и ответственности перед народом, что в обстоятельствах модернизации экономики и общества способствовало формированию локально-профессиональной идентичности имперских чиновников, являлось важным условием принятия эффективных решений в сфере колонизации и переселенческого дела. В работе на основании личных свидетельств чиновников определены основные их функции как служащих и имперских экспертов, продемонстрированы условия деятельности, а также обозначены факторы, оказавшие влияние на профессиональный выбор и стратегии профессионального поведения. Доказано, что на рубеже XIX–XX вв. в России формируется новый тип имперского чиновника, а «переселенческое дело» становится коммуникативным пространством дискурса колонизации, в рамках которого обсуждаются и реализуются проекты инкорпорации Сибири и сопредельных территорий в общеимперское целое, ориентированные на учет национальной, культурной, конфессиональной специфики всех групп населения окраинных регионов: переселенцев, старожилов, индигенных групп.

Ключевые слова: мемуарно-автобиографический дискурс; чиновники Переселенческого управления; этос; переселенческое дело; колонизация; локально-профессиональная идентичность; Сибирь.

Крушение Российской империи и вынужденная эмиграция миллионов ее подданных, в одночасье лишившихся собственности и Родины, предопределили одну интересную тенденцию, наиболее рельефно проявившуюся в литературном процессе XX столетия: массовое развитие мемуарного жанра, в границах которого прямые свидетели общественно-политических, социально-экономических и культурных событий жизни страны в конце XIX – начале XX в. как «уходящей натуры» обретали возможность не только сохранения в памяти образа исчезнувшего государства, но и поддержания самоидентичности, посредством сохранения языковых практик, являвшихся отчетливым признаком принадлежности к нации, локальному сообществу, культурной среде.

По справедливому замечанию специалистов, воспоминания, во многом благодаря русской эмиграции, становятся наиболее популярной и широко распространившейся внутрижанровой формой мемуаристики, поскольку подобные тексты обладают способностью к презентации эпохи и ее представителей, а их авторы полностью отдавали себе отчет в том, что произошло беспрецедентное историческое событие, перечеркнувшее и уничтожившее прошлое империи¹.

В контексте исследования такого сложно структурированного процесса, как внутренняя колонизация второй половины XIX – начала XX в., в сферу которой были включены огромные незаселенные или заселенные дисперсно пространства на восточных окраинах империи, ставшие объектом переселенческого движения и земледельческого освоения, обращение к мемуарно-автобиографическому дискурсу непосредственных участников колонизационного дела в империи – переселенческих чиновников приобретает особое значение.

Во-первых, в связи с тем, что широкий спектр вопросов колонизации Зауралья встраивается в канву общественно-политического и научного осмысления имперской территориальной и культурной экспансии, имевшей изначально экстраординарный, политический характер.

Во-вторых, колонизационная тема в общественно-политическом дискурсе России второй половины XIX – начала XX в. являлась неотъемлемой частью проектов внутренней и

¹ *Шагрукowa E.B.* Мемуаристика русской эмиграции «первой волны»: различные типы авторских мемуаристических стратегий (на материале творчества В.С. Яновского и Н.Н. Берберовой) // Молодой ученый. 2010. № 10 (21). С. 163.

внешней политики империи, в формулирование, обоснование и практическую реализацию которых с различной степенью интенсивности вовлекалось высшее и региональное чиновничество, служащие земских организаций, научные и общественные деятели, составившие круг имперских экспертов, которые демонстрировали устойчивую заинтересованность в поддержании внутривластной стабильности и имперской безопасности.

Деятельность Переселенческого управления (1896–1917 гг.), функционировавшего первоначально при земском отделе МВД, а с 1905 г. под эгидой Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), имеет весьма обширную историографию в контексте осмысления исторического опыта организации народных миграций во второй половине XIX – начале XX в. Исследователи разных периодов, независимо от доминирующих идеологических конвенций и установок, констатировали, что в этом учреждении, на рубеже столетий, были сосредоточены основные усилия и средства по освоению окраин, функции организационного и финансового характера, упорядочения переселенческого движения и обеспечения благоприятных условий для водворения и обустройства мигрантов на новых местах². В то же время значение данного учреждения как инструмента формирования имперских стратегий и практик колонизации долгое время рефлексировалось в исторической литературе с акцентом на технократических характеристиках его работы, а чиновники Переселенческого управления позиционировались в качестве послушных исполнителей и проводников государственной политики в сферах решений аграрного и переселенческого вопросов.

Работа с корпусом воспоминаний служащих переселенческих департаментов предоставляет реальный шанс не только для реконструкции событийной канвы деятельности Переселенческого управления, но и понимания особой миссии российского чиновничества в решении колонизационных задач империи, осознание которой являлось базисом социокультурной идентичности сообщества, элементом сословного и профессионального этоса чиновной бюрократии.

Наконец, очень важно, что мемуары служащих Переселенческого управления, носящие глубоко личный характер, позволяют проследить обстоятельства раннего периода их биографии, коммуникативную среду обитания, будничную и праздничную повседневность, вскрыв тем самым обстоятельства формирования основ личности, ценностных установок, этических норм, во многом определивших отношение к выбору карьерного пути.

Какими бы ни были формальные мотивы, определявшие профессиональный выбор вчерашних выпускников гимназий, лицеев, университетов, за этим выбором располагались сложные сюжетные линии индивидуальных и коллективных (семейных) биографий, особая социокультурная среда. Принадлежа к дворянскому сословию (что являлось важным фактором совместной деятельности), будущие чиновники Переселенческого управления относились к пореформенному поколению, войдя в возраст максимальной интеллектуальной и профессиональной активности на рубеже столетий, когда в основном сформировались стратегии адаптации дворянства к экономическим и социально-политическим условиям модернизации, начатой в эпоху Великих реформ 1860–1870-х гг. Видные деятели Переселенческого управления – Г.В. Глинка, В.Ф. Романов, Г.Ф. Чиркин, И.И. Тхоржевский, А.А. Татищев и др. родились в период 1882–1885 гг. и вышли на авансцену государственной жизни России как носители и трансляторы видоизмененного времени и историческими событиями этоса дворянского сословия. Будучи детьми тех, чья молодость и зрелость пришлись на время потрясений и испытаний, они оказались подготовлены к продолжительной чиновничьей карьере, неплохо образованы, свободны от сословных предрассудков и ностальгических воспоминаний, свойственных той части лиц дворянского звания, которая

² Подробнее см.: Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. 688 с.; Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX вв.). Новосибирск, 1984. 317 с.; Белянин Д.Н. Организация крестьянских переселений на казенные земли Сибири в XIX – начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. № 4 (44). 2010. С. 16–22.

не смогла приспособиться к вызовам модернизации в России. Несмотря на то, что к концу XIX в. дворянство стремительно теряло черты сословной организации, нивелировалось и интегрировалось в единую ткань российского социума, адаптация пореформенного поколения выходцев из дворянской среды к новым условиям социальной реальности, вовлечение их в систему государственного управления вряд ли были бы осуществимы без этического фундамента, основания которого формировались в семейном кругу, воспитательном и образовательном пространстве дома. Именно в детские и юношеские годы в повседневной среде «дворянских гнезд» складывались основы этоса будущих государственных чиновников, усваивались и видоизменялись представления о самих себе, окружающем мире, народе, обществе и государстве.

Характерно, что в структуре воспоминаний таких известных деятелей Переселенческого управления, как А.А. Татищев и В.Ф. Романов, годам, предшествовавшим старту бюрократической карьеры, посвящена значительная часть текста, вместившая период домашнего воспитания, гимназический, университетский (В.Ф. Романов) и лицейский (А.А. Татищев) периоды, что позволяет существенно скорректировать стереотипизированные представления о российском чиновничестве периода империи как исключительно сообществе взяточников и «лихоимцев», ориентированном только на удовлетворение собственных эгоистических интересов – финансовых и карьерных³. Ознакомление с детальными характеристиками коммуникативной среды и атмосферы пореформенной России, которые дали эти мемуаристы, позволяет констатировать, что под влиянием либеральных реформ 1860–1870-х гг. в общественные отношения и в сферу государственного управления России второй половины XIX – начала XX в. стали проникать такие понятия, как законность, гласность, что во многом являлось близким и созвучным пониманию новым поколением дворянства своего служебного предназначения.

Переселенческий чиновник В.Ф. Романов, повествуя о служебном «климате» в начальный период своей работы в департаменте, отмечал в качестве общего состояния, свойственного коллегам, чувство «горячей любви к родине и порученному им делу и абсолютной деловой честности»⁴. А.А. Татищев, вспоминая о годах службы, писал: «вопросы внутренней политики отступали на второй план; на первом стояла помощь в переезде и устройстве на новом месте крестьян... На почве этих задач могли, не ссорясь, сотрудничать и правые, и левые, оставив в стороне свои собственные политические взгляды и убеждения»⁵.

Нравственные ценности и этические ориентиры чиновников Переселенческого управления, сформированные в дослужебный период, не только оказали решающее влияние на выбор собственно сферы профессиональной деятельности, но и способствовали выработке специфического и неформального отношения к спектру проблем переселенческого движения в России, оцениваемых ими в широком колонизационном смысле. Так, будущий помощник начальника Переселенческого управления выпускник Александровского лицея А.А. Татищев еще в ранние годы ученичества (II класс) выбрал для сочинения тему «Переселения крестьян». Комментируя в мемуарах данное предпочтение, А.А. Татищев отметил, что «...крестьянский и аграрный вопросы стояли в эту эпоху в центре общего внимания. Поэтому неудивительно, что когда в 1905 г. появился указ о преобразовании Министерства земледелия и государственных имуществ в Главное управление землеустройства и земледелия, я решил по окончании лицея поступить в это новое ведомство»⁶. В.Ф. Романов, констатировал, что, получив от приятеля совет поступить на службу в земский отдел МВД, первым делом вооружился энциклопедическим словарем, прочел несколько статей о Сибири и так испугался мысли об отъезде в холодные далекие страны, о разлуке с близкими людьми, друзьями, с Петербургом и Киевом, что категорически отверг данное ему пред-

³ Пайтс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 367–369.

⁴ Романов В.Ф. Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. СПб., 2012. С. 154.

⁵ Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. С. 42–43.

⁶ Там же. С. 33–34.

ложение. Однако уже через год Романов занимался делами инородцев Азиатской России, а через восемь лет состоял на службе в Переселенческом управлении⁷.

Решающим фактором формирования представлений чиновников о колонизации восточных окраин, репрезентируемых в мемуарно-автобиографических текстах, можно назвать богатый опыт канцелярской работы, приобретенный в рамках стартового этапа их служебной деятельности. По свидетельству В.Ф. Романова, круг его обязанностей в период службы в качестве «клерка» при Земском отделе МВД включал в себя широкий спектр мелких, но крайне необходимых действий, связанных с технической работой финансового, отчетного и редакторского характера⁸. Вместе с тем В.Ф. Романов, сетуя на большой объем выполняемых технических работ, отмечал их важность и значение, особо подчеркивая в воспоминаниях, что «в бюрократической машине не должно быть мелочей; в ней каждый винтик должен быть чист и исправен»⁹. И далее: «Я сидел в дежурной комнате, всегда с интересом беседуя с приехавшими с разных концов России администраторами, помещиками, волостными старшинами, инородцами и т.п.»¹⁰ Характерно, что именно в условиях ведомственной «горячки» служащие, по свидетельству В.Ф. Романова, начинали осознавать значимость «переселенческого дела», воспринимаемого ими в колонизационном контексте¹¹.

В этой связи, в мемуарах чиновников Переселенческого управления достаточно рельефно обозначено профессиональное видение ключевых вопросов колонизации как имперского проекта инкорпорации восточных окраин в общегосударственное пространство, созвучное представлениям европейских специалистов в колонизационном вопросе. Так, еще в 1870-е гг. французские либеральные экономисты Ж. Дюваль и П. Леруа-Болье сформулировали основные положения, на которых должна основываться любая национальная модель колонизационного освоения территорий метрополиями. По мнению этих исследователей, колонизация понималась как сложное социальное явление, которое невозможно свести к простому переселению или тем более хозяйственному освоению. При этом общество, основывая колонии, обязано создавать условия для культурного покровительства им, опираясь на профессиональные качества организаторов колоний¹².

Таким образом, отправной точкой воспоминаний чиновников о службе в Переселенческом управлении стало определение колониальных функций департамента. В.Ф. Романов, подводя в мемуарах итоги своей профессиональной карьеры, констатировал, что Переселенческое управление в конце XIX – начале XX в. являлось единственным учреждением, которое отчетливо понимало свои колонизационные задачи, в то время как другие ведомства отставали от них, ориентируясь преимущественно на урегулирование проблем паллиативными методами¹³. Тем самым мемуарист акцентировал внимание на таком важном аспекте, как организационная разбалансированность и рассогласованность в деятельности учреждений, ответственных за разработку и реализацию государственной политики в области переселений, что ставит под сомнение сложившуюся в историографии шаблонную теорию о единой политике самодержавия в переселенческом и аграрно-колонизационном вопросе.

В качестве главной причины «бюрократического» конфликта в организации «переселенческого дела» в формате «колонизационного проекта» В.Ф. Романов называл отсутствие в России специального ведомства колоний европейского типа. Именно с наличием подобного учреждения мемуарист связывал возможности моделирования продуманного колонизационного плана, в котором переселение крестьян имело бы первостепенное культурно-экономическое значение, оставаясь при этом лишь частью колонизации, требующей одновременно и

⁷ Романов В.Ф. Старорежимный чиновник ... С. 68.

⁸ Там же. С. 186.

⁹ Там же. С. 77.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 85.

¹² Чуркин М.К. «Выйдет ли из бухтарминских вод наша Лорелея?: западные социальные идеи и колониальный опыт в публицистике, научном творчестве и эпистолярном наследии сибирского областничества // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию Омска. Омск, 2015. С. 138.

¹³ Романов В.Ф. Старорежимный чиновник ... С. 147.

торгово-промышленных мероприятий¹⁴. В.Ф. Романов с горечью констатировал: «Слишком завалено было наше Управление мелочами крестьянского переселения, чтобы могло уделить много внимания широким колонизационным мероприятиям в отношении одной нашей самой далекой окраины, а, главное, разработка и осуществление такого плана выходили за пределы одного землеустроительно-крестьянского ведомства; требовалось создание какого-то органа, объединяющего начинания различных ведомств¹⁵.

Парадоксальность и уникальность ситуации заключается в том, что чиновник государственного ведомства продемонстрировал понимание проблемы как отличное от мнения многих официальных лиц, отрицавших наличие у России колоний в общепринятом смысле этого слова¹⁶.

В.Ф. Романов, посвятив вопросам организации «переселенческого дела» большую часть своих воспоминаний, не только указывал на различия во взглядах учреждений и ведомств на практики решения колонизационных вопросов, но и обращал внимание на элементарную некомпетентность акторов переселенческой политики: «Несчастливая наша централизация и плохое вообще понимание окраинных условий порождали ничем не оправдываемый взгляд на Сибирь, степные области, Туркестан как на обычные Российские губернии»¹⁷. А.А. Татищев и В.Ф. Романов, выражая в мемуарах отношение к постановке дела переселений за Урал, отмечали существенную разницу в подходах к реализации государственной политики в данном вопросе, с точки зрения понимания акторами власти колонизационных задач. Беседуя с императором по случаю пожалования придворного звания, А.А. Татищев, в ответ на вопрос, бывал ли он в Сибири, получил от него весьма обтекаемое заверение, что Сибирь – это будущее России¹⁸. Между тем на уровне губернской администрации, задачи колонизации отдаленных окраин зачастую трактовались более приземленно и критично. Так, В.Ф. Романов, подводя итоги своей встречи с военным губернатором Приморской области П.Ф. Унтербергером, отмечал: «На наши окраины он (Унтербергер) смотрел как на запас для будущих далеких поколений России; считал, что форсировать их колонизацию незачем; иностранного капитала боялся как хищника, который разграбит русские богатства. Что природа не терпит пустоты, что если не мы, то наши желтые соседи протянут руку за нашими втуне лежащими богатствами – об этом он не думал. Одним словом, несомненный честный русский патриот, каковыми были многие из наших прибалтийских немцев, Унтербергер не имел в своей натуре «колонизационной изюминки»»¹⁹.

Частный инцидент, возникший между чиновником переселенческого ведомства и представителем высшей губернской администрации, наглядно демонстрирует те противоречия, которые неизбежно возникали как следствие диаметрально противоположных интерпретаций понятия «колонизация». Отметим, что актуализация колонизационного дискурса во многом была связана с процессом, в ходе которого само Переселенческое управление, по образному выражению В. Сандерленда, начало «дрейфовать» к Министерству колоний²⁰. Мемуарно-автобиографические свидетельства чиновников Переселенческого управления (А.А. Татищев, В.Ф. Романов) рубежа XIX–XX вв. наглядно подтверждают факт формирования в России имперской бюрократии нового типа, своего рода «мастеровых» колонизации, настаивавших на своих особых полномочиях, «как единственных... государственных колониальных специалистов»²¹.

¹⁴ Романов В.Ф. Старорежимный чиновник ... С. 147.

¹⁵ Там же. С. 157–158.

¹⁶ Сандерленд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917); сб. ст. М., 2010. С. 126.

¹⁷ Романов В.Ф. Старорежимный чиновник ... С. 146.

¹⁸ Татищев А.А. Земли и люди ... С. 97.

¹⁹ Романов В.Ф. Старорежимный чиновник... С. 172.

²⁰ Сандерленд В. Министерство ... С. 127–131.

²¹ Там же. С. 134.

Во многом поэтому чиновники Переселенческого управления максимально активно включались в практическую работу по исследованию колонизационных возможностей окраинных территорий. Опираясь на «переселенных» (переселенческих агентов), внедрялись в сферу урегулирования крестьянского и казачьего землепользования на местах, взаимоотношений переселенцев, старожилов и представителей коренного населения. В целом для генерации правительственных чиновников, оказавшихся в конце XIX – начале XX в. в эпицентре «переселенческого дела» было свойственно отчетливое понимание того, что колонизация не может ограничиваться только решением земельного вопроса в европейской части страны. В.Ф. Романов на страницах своих воспоминаний прямо говорит о долговременном существовании тенденции, в соответствии с которой власти, обсуждая вопрос о вероятности переселений в Сибирь, рассчитывали защитить интересы крупных землевладельцев²². Однако, по убеждению В.Ф. Романова, в начале XX столетия произошел кардинальный поворот в понимании цели и задач российского продвижения на восточные окраины, когда «вдумчивые представители партии (партия народной свободы. – М. Ч.), как и сам Г.В. Глинка (начальник Переселенческого управления. – М. Ч.), отлично знали, что в основе нашей переселенческой политики лежит не стремление устранить безземелье в губерниях Европейской России, а именно забота о заселении, главным образом, Сибири и Туркестана русскими людьми»²³.

Мемуарно-биографический дискурс служащих переселенческого департамента позволяет не только уверенно утверждать, что в русле забот чиновников регулярно находились вопросы переселенческо-старожильского, а также инородческого и казачьего землеустройства в различных частях Сибири, но и обозначить зоны конфронтации в продвижении важнейших колонизационных решений. Так, В.Ф. Романов и А.А. Татищев в своих воспоминаниях определяли казачий вопрос, наряду со старожило-крестьянским, в качестве наиболее значимого в спектре государственно-колонизационных задач начала XX в., подчеркивая при этом, что местные губернские власти относились к его реализации крайне консервативно. А.А. Татищев, комментируя взгляды одного из дальневосточных военных губернаторов (М.М. Манакин), свидетельствовал о его «особой» позиции по казачьему вопросу, трудно совместимой с каким-либо государственным укладом: «Казаку – нужен простор!!!»²⁴ В.Ф. Романов, выражая негодование по поводу действий приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского, ограничившего допуск крестьян на пустынные земли дальневосточного казачества, писал: «Казачество в наших правящих сферах, несмотря на давно изменившиеся исторические условия, являлось каким-то фетишем, прикасаться к которому не разрешалось. Кубанские и прочие рады достаточно, кажется, показали в наше смутное время узкий сословный эгоизм и антигосударственность нашего казачества в его массах, но и теперь все-таки упорно повторяются слова в защиту «исконных прав», как в свое время исконным признавалось и крепостное право»²⁵. А.А. Татищев, в силу служебных обстоятельств знакомого с ситуацией в Приамурье отмечал, что в «губернаторских» кругах означенного региона особой популярностью пользовалась теория об использовании свободных земель в интересах казачьей колонизации, и Переселенческое управление с этой теорией ожесточенно боролось, указывая, что на границах с Китаем надо стремиться уплотнить русское население»²⁶. О степени сложности и разновекторном понимании задач колонизации свидетельствует тот факт, что даже принятие соответствующего законопроекта, ограничившего казачье землепользование в Приамурье от 1910 г., завершилось его отменой в 1913 г.²⁷

²² Романов В.Ф. Старорежимный чиновник ... С. 144.

²³ Там же. С. 145.

²⁴ Татищев А.А. Земли и люди ... С. 105.

²⁵ Романов В.Ф. Старорежимный чиновник ... С. 160.

²⁶ Татищев А.А. Земли и люди ... С. 76.

²⁷ Там же.

Подобные разночтения в представлениях о колонизации и ее субъектах, материализующиеся в конфликтные ситуации, не носили локального характера, возникая и в других окраинных регионах. Генерал от инфантерии И.Ф. Бабков, оставивший воспоминания о своей службе в Сибири в качестве военного губернатора Семипалатинской области, не только подчеркивал особое значение казачьей колонизации степных пространств, но и крайне нетерпимо реагировал на резко-отрицательные эскапады в адрес казачества, понимаемого как непригодный материал для колонизации свободных земель Степного края²⁸.

В контексте логики колонизационных действий, репрезентируемой в воспоминаниях чиновников Переселенческого управления, показательным является отношение служащих учреждения к перипетиям, связанным с решением данного сегмента переселенческого вопроса. Эмоционально-экспрессивная реакция чиновников на события, зафиксированная в мемуарных текстах, в известной степени позволяет говорить о служащих ведомства как людях, имевших четкие представления о содержании и перспективах колонизации окраин, с необыкновенной ответственностью относившихся к своему делу. В.Ф. Романов, спустя много лет переживая ситуацию вокруг казачьего вопроса, сообщал, что он и его коллега С.П. Шликевич от многочисленных волнений, обид и столкновений заболели довольно сильным нервным расстройством: «Шликевич, как скажут при нем слово «казак» – плачет часа два подряд; стоило мне прочесть слово «казак», как у меня холодели, как лед, руки, горло сжималось, и я должен был убежать из управления»²⁹.

Следует отметить, что принципиально новая модель трактовки задач колонизации чиновниками Переселенческого управления распространялась не только на материальную, ограниченную практиками землеустройства, но и духовную сферу, что явно противоречило «охранительному» методу «присвоения» окраин, который разрабатывался М.Н. Катковым и его последователями в 1860–1880-х гг. В умеренно либеральной и профессионально ориентированной среде переселенческих чиновников концепт имперской безопасности приобрел совершенно иные формы и очертания, что, например, наглядно прослеживается в подходах Переселенческого управления к урегулированию конфессионального вопроса. В.Ф. Романов, характеризуя действия своего непосредственного начальника, писал, что Г.В. Глинке «пришлось вести горячую борьбу за отпуск кредитов на постройку костелов в польских переселенческих деревнях. Он, до мозга костей православный человек, любивший и знавший православные обряды во всех их мелочах, чрезвычайно скептически относившийся ко всему не русскому и не православному, понимал своим сердцем верующего, как тяжело и опасно положение таких инославных, которые надолго будут лишены своих храмов»³⁰. В качестве главного умозаключения относительно содержания колонизационной программы империи В.Ф. Романов уверенно заявлял, что колониальная политика не может строиться на узконациональных началах и должна идти путями американскими. Чиновник писал: «Всякий полезный работник, будь это эллин или иудей, должен быть использован колонией... Отсюда была ясна для меня необходимость закрепления русского влияния... по признакам подданства, хотя бы даже поселением тех же желтых, например, корейцев, не говоря уже, конечно, о евреях и при помощи иностранных капиталов безвредных нам держав, в первую очередь, конечно, американских. Это мой колонизационный «символ веры», от которого я никогда не отступал и не отступлю»³¹.

Таким образом, обращение к мемуарно-автобиографическому дискурсу чиновников Переселенческого управления позволяет детально охарактеризовать сферу человеческих переживаний, мотиваций и действий представителей новой генерации российской бюрократии, вовлеченной в решение сложных вопросов колонизации как фактора империостроительства второй половины XIX – начала XX в. Служащие переселенческого департамента, являясь носителями оригинального этоса имперской бюрократии, сформиро-

²⁸ Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 г. СПб., 1912. С. 24.

²⁹ Романов В.Ф. Старорежимный чиновник ... С. 161.

³⁰ Там же. С. 150.

³¹ Там же. С. 190.

вавшегося в условиях российской модернизации, представляли собой сообщество, организованное на основе сословной, культурной и профессиональной идентичности, что дало им возможность сформулировать особое отношение к принципам и практикам колонизационной политики, максимально близким к стандартам европейской теории колонизации. Решая текущие государственные задачи в области организации и управления переселениями за Урал, представители бюрократического ведомства стремились к преодолению шаблонных представлений о Сибири как простом продолжении государственной территории, что способствовало разработке более эффективных проектов инкорпорации восточных окраин в общеимперское пространство.

Литература

Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859-1875 г. СПб.: Тип. С.Ф. Киршбаума, 1912. 521 с.

Белянин Д.Н. Организация крестьянских переселений на казенные земли Сибири в XIX – начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 4 (44). С. 16–22.

Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск: НГУ, 1984. 317 с.

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 688 с.

Пайнс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 421 с.

Романов В.Ф. Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. СПб.: Нестор-История, 2012. 336 с.

Сандерленд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): сб. ст. М.: НЛЮ, 2010. С. 105–150.

Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Русский путь, 2001. 376 с.

Чуркин М.К. «Выйдет ли из бухтарминских вод наша Лорелея?»: западные социальные идеи и колониальный опыт в публицистике, научном творчестве и эпистолярном наследии сибирского областничества // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию Омска. Омск: ОГИК музей, 2015. С. 136–140.

Швагрукова Е.В. Мемуаристика русской эмиграции «первой волны»: различные типы авторских мемо-стратегий (на материале творчества В.С. Яновского и Н.Н. Берберовой) // Молодой ученый. 2010. № 10 (21). С. 162–167.

References

Babkov, I.F. (1912). *Vospominaniya o moyey sluzhbe v Zapadnoy Sibiri. 1859–1875 g.* [Memories of my service in Western Siberia. 1859–1875]. St. Petersburg, Tipografiya Kirshbauma. 521 p.

Belyanin, D.N. (2010). Organizatsiya krestyanskikh pereseleniy na kazyonnye zemli Sibiri v XIX – nachale XX vv. [The organization of peasant resettlement to the state lands of Siberia in the 19th and early 20th Centuries]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarsvennogo universiteta*. No. 4 (44), pp. 16–22.

Churkin, M.K. (2015). “Vyydet li iz bukhtarminskikh vod nasha Loreleya?»: zapadnye sotsialnye idei i kolonialnyy opyt v publicistike, nauchnom tvorchestve i epistolyarnom nasledii sibirskogo oblastnichestva [“Will our Lorelei come out of the Bukhtarman waters?: Western social ideas and colonial experience in journalism, scientific creativity and the epistolary heritage of Siberian regionalism]. In *Materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchyonnoy 300-letiyu Omska*. Omsk, Izdatelstvo Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya, pp. 136–140.

Goryushkin L.M., Minenko N.A. (1984). *Istoriografiya Sibiri dooktyabrskogo perioda (konets XVI – nachalo XX v.)* [Historiography of Siberia of the pre-October period (late 16th – early 20th century)]. Novosibirsk, Izdatelstvo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. 317 p.

Lyubavskiy, M.K. (1996). *Obzor istorii russkoy kolonizatsii s drevneyshikh vremyon i do XX veka* [A review of the history of Russian colonization from ancient times to the 20th Century]. Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 688 p.

Pajps, R. (1993). *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the old regime]. Moscow, Nezavisimaya gazeta. 421 p.

Romanov, V.F. (2012). *Starorezhimnyy chinovnik. iz lichnykh vospominaniy ot shkoly do emigratsii, 1874–1920 gg.* [Old regime official. From personal memories from school to emigration, 1874–1920]. St. Petersburg, Izdatelstvo Nestor-Istoriya. 336 p.

Shvagrukova, E.V. (2010). Memuaristika russkoy emigratsii “pervoy volny”: razlichnye tipy avtorskikh memo-strategiy (na materiale tvorchestva V.S. Yanovskogo i N.N. Berberovoy) [Memoirs of the Russian “first wave” emigration: various types of author’s memo-strategies (based on the works of V.S. Yanovsky and N.N. Berberova)]. In *Molodoy uchyonyy*. No. 10 (21), pp. 162–167.

Sunderland, V. (2010). Ministerstvo Aziatskoy Rossii: nikogda ne sushchestvovavshee, no imevshee dlya etogo vse shansy kolonialnoe vedomstvo [The Ministry of Asiatic Russia: The Colonial Office That Never Was but Might Have Been]. In *Imperium inter pares: Rol transferov v istorii Rossijskoy imperii (1700–1917)*. Moscow, Izdatelstvo “Novoe literaturnoe obozrenie”, pp. 105–150.

Tatishchev, A.A. (2001). *Zemli i lyudi. V gushche pereselencheskogo dvizheniya (1906–1921)* [Earth and people. In the midst of the migration movement (1906–1921)]. Moscow, Izdatelstvo Russkiy put. 376 p.

Статья поступила в редакцию 25.10.2019 г.